

—И вот в этой ситуации очень кстати проявил интерес к нашим работам как по моделированию, так и по ИДК Алексей Дмитриевич Данилов, личность известная и весьма яркая. Я не раз уже встречал его на Всесоюзных ионосферных сборищах, где он выделялся и своей внешностью спортивно-американского покроя - высокий, сухощавый, очень коротко стриженный, - и громким, чётким, хорошо поставленным голосом, и безапелляционностью выступлений в дискуссиях, и прекрасной игрой в волейбол, и пением под гитару.

—Он был безусловным кумиром ионосферных женщин, да и многим мужчинам нравился, хотя некоторых и раздражал своей излишней театральностью и склонностью прихвастнуть своими зарубежными поездками ("А вот я, будучи недавно там-то на таком-то конгрессе - сессии КОСПАР, скажем, - беседовал с тем-то и он мне поведал... Покажите, пожалуйста, вот этот цветной слайд, мне его любезно подарил..." - и называлось какое-нибудь светило закордонное). Лет ему было в то время около сорока, недавно (в 1973 году) защитил докторскую, был автором двух монографий ("Химия ионосферы" и "Фотохимия возбуждённых и ионизованных частиц в ионосфере Земли" (вторая совместно о Мишей Власовым)), узкой специальностью его была физика и химия самой нижней части ионосферы - так называемой области Д, но чувствовалось его стремление проявить, где только можно, эрудицию и в других областях физики ионосферы.

—Работал он в Институте Прикладной Геофизики Главного Управления гидрометслужбы, там же, где и Гор Семёнович Иванов-Холодный, автор известной книжки "Солнце и ионосфера", написанной им совместно с солнечником Никольским. Данилов в своё время ходил в учениках у Иванова-Холодного, будучи лет на десять его младше, теперь же они занимали примерно одинаковое положение в ИПГ, заведя отделами. В отличие от Данилова Гор Семёнович говорил всегда голосом тихим, но с избытком преисполненным чувством собственного достоинства и весомости излагаемого. По отношению друг к другу оба держались с почтительной предупредительностью, но непременно пикировались в дискуссиях, так что эти их стычки были неотъемлемой частью семинаров и конференций, и их ждали как зрелища, хотя никакой особой, веской идеологической причины для научных разногласий между ними я не находил, а сами разногласия считал мелкими и не заслуживающими разгоравшихся вокруг них страстей.

—Ни с Даниловым, ни с Ивановым-Холодным я в то время ещё близко знаком не был. В отношении к Холодному у меня таилось некоторое предубеждение из-за того, что он "пригрел" Мишу Никитина. Миша собирался вначале защищаться в ИЗМИРАНе (на начальной стадии его диссертационной работой руководил я; затем, когда наши отношения испортились, и Миша окончательно встал на сторону Гострема, я перестал интересоваться его диссертацией, но был рецензентом на предзащите в университете и в целом работу одобрил, хотя и с рядом замечаний), но очень неудачно выступил там на секции Учёного совета.

—Завёл публику Николай Константинович Осипов, который из-за Багно имел зуб на Гострема, а заодно и на Мишу из-за его холуйства у Гострема. Мишину работу раскритиковали в пух и прах. Мишу, однако, это не очень смутило. Почувствовав неодобрение аудитории, он нагло отказался отвечать на вопросы, заявив, что не будет защищаться в ИЗМИРАНе, раз тут его не понимают, и перебросился в ИПГ. С помощью Гострема Миша уговорил Иванова-Холодного быть оппонентом и благополучно защитился там, так что в этом смысле ставка на Гострема себя оправдала.

—Более того, Никитин с Гостремом выбили в ИПГ через Иванова-Холодного небольшую сумму на отдельный хоздоговор, по которому теперь Миша и работал в университете совершенно независимо от нас. Конечно, глупо было винить Иванова-Холодного в поддержке Никитина - что он знал о нашей ситуации в Калининграде? Но всё

же было и обидно где-то, что ИПГ заинтересовался работами Никитина, а не нашими. Лишь позже выяснилось, что в ИПГ нас, калининградцев, по-прежнему рассматривали как единый коллектив. О нашем разрыве с Гострем тогда ещё мало кто знал.

— Так вот Данилов, будучи членом секции Учёного совета ИЗМИРАН по ионосфере и распространению радиоволн, присутствовал на нашей защите "Каштана". После заседания он подошёл ко мне и поинтересовался, почему в защите не участвовал Гострем. Я коротко живописал ему положение дел у нас. Для Данилова оказалось новостью, что обсерватория и университет - это в общем-то совершенно разные организации, принадлежащие разным ведомствам, хотя и связанные хоздоговором, и что в университете большая часть людей сотрудничает с нами, а часть - нет, и что у Иванова-Холодного заключён договор не с нами, а только с Гострем и Никитиным. И похоже было, что для Данилова это оказалось новостью приятной.

— Я спросил из вежливости, как у него дела, - ходили слухи о каких-то пертурбациях в ИПГ. Данилов понизил голос и не без хвастовства сообщил ("пока между нами, так сказать"), что скоро у него под началом вся ионосфера в ИПГ будет: его ставят заведомо краткосрочного прогнозирования, а Иванов-Холодный будет заведовать долгосрочным прогнозом, то есть прежде всего Солнцем, так что пересекаться они теперь не будут. И в связи с этим новым назначением у него появились задачи, для решения которых он привлекает массу организаций; заинтересован он и в сотрудничестве с нами как в части моделирования, так и в части оперативного получения ионосферных данных, то есть работ по ИДК.

— В свою очередь я признался Данилову, что мы изыскиваем дополнительные источники финансирования, чтобы сохранить в университете тех, кто сотрудничает с нами, и не прочь были бы заключить хоздоговор с ИПГ. На это Данилов ответил, что в принципе такие возможности есть, но всё надо согласовывать с начальством - дирекцией ИПГ, и потом он хотел бы сначала побывать у нас в обсерватории, посмотреть своими глазами, что там у нас имеется, быть может, заключить для начала договор о сотрудничестве, а там видно будет.

— На том мы с ним и расстались, а вскоре Данилов приехал к нам вместе со Свидским - специалистом из ИПГ по распространению радиоволн, заведующим смежным отделом, также завязанным на проблему краткосрочного прогнозирования. Предполагалось, что кроме поездки в обсерваторию, в Ульяновку, мы проведём объединённый семинар КМИО и ЛПФ, на котором расскажем о своих последних достижениях и планах на будущее. Но предварительно надо было нейтрализовать Гострема, который наверняка стремился заключить договор с Даниловым прямо на университет, минуя обсерваторию, чтобы быть полным хозяином этих денег, отчитываться только перед ИПГ и никак не зависеть от нас.

— Обычно Гострем имел привычку охмурять официальных визитёров прямо в гостинице, и, чтобы опередить его, я пригласил Данилова и Свидского в день их приезда поужинать ко мне домой. Они с удовольствием согласились, я дал им свой адрес, назначил время, а сам помчался к Латышеву - пригласить и его как, пожалуй, наиболее заинтересованное в этом деле лицо. Костя больше других жаловался, что денег на теме нет, будущее не обеспечено, люди разбегутся, и всё развалится.

— Костя к этому времени переехал из окраинного Балтрайона в новую трёхкомнатную квартиру, такую же как наша, в центре города, на набережной Преголи. Квартиру получила его жена Галка, работавшая юристом по колхозным делам, чрезвычайно напористая женщина, от которой Костя тщательно скрывал свои долги. В этой квартире я у них ни разу ещё не был. На новоселье не приглашали - Костя оправдывался, что нет денег его справлять. Но и просто так в гости после защиты Костя меня ни разу не звал, хотя ещё всего лишь год назад я был вроде бы всегда желанным гостем у них на Кровельной... Похоже, Галка не могла мне простить, что Никитин защитился раньше Кости, и считала, что я обманул их надежды. Хотя мне казалось, что на Никитина и Гострема они смотрят совершенно так же, как я, и понимают, что Костя не такого

нахрапистого характера как Миша, и ему нельзя было рисковать и торопиться. А, может, и сам Костя обиделся на меня за публичные нравоучения в присутствии всей нашей группы или просто устал зависеть от меня и подчиняться, взвырвало, наконец, самолюбие... Чёрт его знает.

— В этом же году, когда Костя получил подтверждение из ВАК о присуждении ему учёной степени ("получил корочки", как говорят), он не сообщил мне, своему бывшему научному руководителю, эту приятную новость, а наверняка ведь обмывал "корочки" с Медведевым и Бобарькиным, и я совершенно случайно узнал от Лёньки Захарова, что Латышева утвердили. Может, боялся, что придётся "на обмыв" слишком много народу приглашать, а денег нет? И опять - чёрт его знает. Внешне же наши отношения сохранялись приятельскими. Правда, и по работе мы встречались всё реже, бывшие соавторские отношения вытеснялись отношениями "заказчик - исполнитель".

— Так вот, когда я в тот раз примчался к Латышеву домой, он пил водку с соседом, просто так, по случаю того, что они оказались соседями. Я извинился перед ними и вытащил Костю из-за стола:

— - Данилов приехал. Пошли ко мне в гости. Надо разъяснить ему ситуацию.

— Костя не возражал, тем более что предстоящий разговор подразумевал продолжение выпивки. Я дал ему деньги и отправил за закуской, сам купил спиртное - водку и коньяк, приличное вино тогда уже не водилось в наших магазинах. Костя на всю сумму накопил какой-то дряни, консервов каких-то, чем очень огорчил Сашулю. Тем не менее она сумела быстро приготовить вполне приличный ужин, благо грибочки, сало, квашеная капуста, огурчики у нас зимой всегда имелись бабушкиными и нашими собственными стараниями.

— Дома у нас Данилов держался довольно чопорно, рассматривал иллюстрированные издания по искусству из нашей библиотеки, вежливо восхищался ими, рассказывал о своей недавней поездке в Индию. За столом пил мало, о делах говорил не очень охотно. "Ситуацию" нашу с Гострем, взаимоотношения обсерватории с университетом мы тем не менее ему живописали, и он вроде бы всё понял. Костя, начавший пить ещё дома, быстро добрал до нужной ему кондиции, расслабился, начал жаловаться Данилову на Никитина, что тот его обобрал, защитился на Костиных разработках, а он вот ещё не утверждён и всё такое прочее. Я даже начал ёрзать на стуле, поскольку всё это как-то выпадало из общей корректно-сдержанной тональности вечера, и я боялся, что у Данилова может испортиться впечатление от нашей команды.

— Но обошлось. Семинар, поездка в обсерваторию - всё прошло хорошо. Гострем, действительно, вился вокруг Данилова, но тот на него реагировал лишь из вежливости. В общем-то основной интерес для Данилова представляли регулярные данные ионосферных наблюдений, а ими располагала обсерватория, и Данилов выяснял в первую очередь возможности их оперативного получения. Здесь не оплошал, как политик, мудрый Иванов: условием такого предоставления данных он поставил (перед ИПГ) финансирование аренды линии связи между обсерваторией и Гидрометцентром, хотя в принципе такую связь можно было организовать и за счёт средств ИЗМИРАНа. Плюс к этому мы просили ещё деньги на работы по моделированию возмущений, выполняемые совместно с университетом, но под нашим руководством. Эти деньги нужны были на зарплату НИСовцам и на оплату дорогостоящего машинного времени в Вильнюсе, которое мы продолжали тратить в огромных количествах.

— В принципе со всеми этими условиями Данилов согласился. Начать наше сотрудничество мы решили с "Договора о творческом содружестве", который послужил бы в дальнейшем основанием для хоздоговора. Предложения к этому договору о содружестве мы с Ивановым обещали продумать и выслать в ИПГ, дабы Данилов мог их представить своему начальству. На том и распрощались. Это была наша первая самостоятельная попытка добыть хоздоговорные деньги, что раньше было исключительно прерогативой Гострема, включая и "Тоннель", по которому мы теперь работали.

(продолжение следует)

[Главная страница](#) — [Путеводитель по "Запискам рыбака-любителя"](#)